

**МОИ ВСТРЕЧИ
С ЛЕОНАРДОМ
КАЛИННИКОВЫМ**

Первая моя встреча с Леонардом Калинниковым произошла в октябре 1990 года. К тому времени я уже на протяжении 20 лет занимался исследованием культуры Кёнигсберга, и в частности немецкой литературы XVIII столетия. Начало положили мои штудии о Жане Поле, чьи глубокие и вместе с тем юмористические переплетения смерти и шутки привели меня к ментору эстетики Теодору Готтлибу фон Гиппелю (1741–1796), автору «Жизнеописаний по восходящей линии» (1778–1781) и книги «О браке и семье» (1774), который в период с 1780 и по 1796 год был главным бургомистром Кёнигсберга, ведущим масоном в Восточной Пруссии и поборником борьбы за эмансипацию женщин в Германии. В то время его творчество было почти забыто литературоведческой наукой. Мои занятия этой загадочной фигурой восточноевропейской немецкоязычной литературы побудили меня с самого начала интенсивно заняться изучением истории общественной и духовной культуры Кёнигсберга и познакомиться с творчеством современников Гиппеля — наиболее значительных представителей региональной литературы XVIII столетия: Иммануила Канта, Иоганна Георга Гамана и его сына Михаила, Иоганна Готтфрида Гердера, Иоганна Георга Шеффнера, Этия Теодора Амадея Гоффмана, Цахариас Вернера и Людвига фон Бачко; далее с деятельностью таких издателей, как Иоганн Якоб Кантер, Иоганн Фридрих Харткнох и Якоб Фридрих Гинц, а также представителей Масонской ложи и военных кругов. В этой связи я в течение 20 лет безуспешно пытался установить непосредственный контакт или получить доступ к советской Калининградской области; однако ввиду напряженной политической обстановки в Восточной Европе это было невозможно. И хотя я мог без проблем ознакомиться с документами, касающимися старого Кёнигсберга, в остальной Центральной и Восточной Ев-

ропе, я все же использовал документы из ГДР, Польши и советских Прибалтийских республик. Но прежний Кёнигсберг, ставший Калининградом, был для меня недоступен.

Затем наступили в Восточной Европе политические перемены, а тем самым и открылась дорога в Калининград! С приходом к власти Михаила Горбачева в Люксембург в качества посла прибыл чрезвычайно интеллигентный и открытый молодой человек. Благодаря личному участию нашего тогдашнего премьер-министра Жака Зантера, который был также и министром культуры, Александр Авдеев заинтересовался моим проектом и вместе со всем персоналом посольства и в интересах позитивного развития культурных связей между нашими странами содействовал в запланированной мной поездке в Калининград. Это произошло в 1989 году! А. Авдеев все еще находится на государственной службе в качестве российского министра культуры. Я очень благодарен ему за ту неоценимую помощь, которую он оказал моему научному проекту и развитию культурных отношений между нашими странами.

Всё началось с того, что я установил контакт в Калининграде с редактором «Кантовского сборника» Л.А. Калининковым, профессором философии в местном государственном университете и тем самым преемником Канта на кафедре философии. Он тотчас с увлечением вступил со мной в продолжительную переписку и в теплых словах отзывался о моем предстоящем визите. Чтобы облегчить мой визит в его учебное заведение и въезд во все еще закрытый для иностранцев город, он пригласил меня официально вместе с известным немецким русистом и несколькими философами из университетов-побратимов Марбурга и Берлина принять участие во всероссийской Кантовской конференции. Второго октября 1990 года — насколько я могу припомнить — я сел в Люксембурге на самолет до Москвы. С пользой для себя я провел в Москве четыре дня, посетив великолепные музеи и церкви в русской столице.

В пятницу около одиннадцати часов вечера самолет приземлился при морозящем дожде на калининградскую землю, и я уже издали заметил встречающего меня человека. На воротнике его пальто была прикреплена табличка с лаконичной надписью «Кантовский конгресс». Мы сердечно обнялись, и я понял, что мы станем большими друзьями. А рядом с ним стоял человек, приветливый и умный взгляд которого сразу расположил к себе. Это был И.Д. Копцев, заведовавший в то время кафедрой германистики. Он был одним из лучших сотрудников Леонарда в том, что касается Канта и немецкого языка. Они оба были как в человеческом отношении, так и в научном блестящим тандемом, обогатившим российское кантоведение рядом ценных достижений. Леонард пригласил нас к себе домой на ужин, показав нам образец легендарного русского гостеприимства. Ужин затянулся до половины третьего ночи, и меня и моего немецкого коллегу, русиста Михаэля Хагемайстера они проводили до гостиницы «Калининград». Когда мы проезжали по мосту через реку Прегель и бывшую княпхофскую Лангассе, в сумраке ночи я увидел силуэт руин Кафедрального замка, которые, как оказалось, будут меня занимать все последующие восемь дней моего пребывания.

Не буду останавливаться на всех деталях моего первого пребывания в Калининграде. Скажу только, что это были прекрасные дни, несмотря на то, что нам беспрестанно докучал дождь. Леонард постоянно приглашал

нас к себе в гости, а его любезная супруга Наталья устраивала для нас праздничные угощения. Сам он, а также Иван Копцев и их коллега, к сожалению, слишком рано ушедший от нас физик Казимир Лавринович, удивительный эксперт по истории культуры Кёнигсберга, возили меня по историческим местам, которые я узнавал с трудом.

В университете я читал лекции о Теодоре Готтлибе фон Гиппеле как главном бургомистре Кёнигсберга и его дружеских, но не лишенных критики отношений с Кантом, а также об окружавших их литераторах, причем всякий раз число слушателей было больше 100, так как приглашали всех, кто хоть как-то владел немецким языком.

Во время своего пребывания я увидел, что Леонард — душа калининградского кантоведения, который сумел придать ему собственное самостоятельное звучание. Спустя годы, в день 70-летнего юбилея Л. Калининкова, один из его учеников сказал замечательные слова: «Мы говорим *Кант* — подразумеваем *Калининков*, говорим *Калининков* — подразумеваем *Кант*».

И еще я хочу с восхищением сказать о нем следующее: когда Леонард говорит в присутствии иностранцев даже о самых сложных философских проблемах, то он настолько элегантно подбирает выражения, что слушатель даже с самыми скромными познаниями в русском языке может многое понять. Это говорит о нем как о хорошем филологе и о его педагогическом мастерстве!

Я был уверен, что эта моя поездка в Калининград будет не последней. С основанием Кантовского общества, председателем которого был избран Леонард как истинный «хранитель» исторического наследия Канта, это намного упрощало организацию моих поездок в Калининград. Так было положено начало постоянному, плодотворному и чрезвычайно дружелюбному сотрудничеству вплоть до сегодняшнего дня.

С тех пор я много раз приезжал в Калининград. Старый и вновь возникший город на берегу Прегеля стал для меня чем-то вроде второй или третьей родины. Я встретил в нем людей, ставших для меня самыми дорогими из всех моих друзей. Благодаря Леонарду я получил возможность вести занятия на немецком и французском отделениях, где регулярно читаю циклы лекций по литературе или культуре Кёнигсберга. Мы даже сумели организовать театральные постановки на французском языке и сняли их на камеру!

Л. А. Калининков и И. Д. Копцев также бывали в гостях у меня в Люксембурге. Уже в 1992 году Леонард прочитал в Люксембургском университете и Люксембургской национальной библиотеке два доклада о кантоведении в Калининграде. Я пригласил 30 студентов Калининградского университета различных специальностей в Люксембург на многомесячные учебные курсы, и с помощью нашего правительства мы смогли оказать им финансовую поддержку. Благодаря содействию калининградских коллег, нам удалось реализовать проект по международному изучению творчества Гамана. Я издал три сборника, посвященные старому Кёнигсбергу, в которых приняли участие известные ученые, в том числе в них были опубликованы мастерские статьи А. Калининкова на английском языке. И я, в свою очередь, поместил несколько статей в «Кантовском сборнике», а также в газете «Кёнигсбергский курьер».

В 1994 году меня пригласили на торжественное мероприятие — празднование 450-летней годовщины основания Кенигсбергского университета им. герцога Альбрехта. Также я хорошо запомнил событие, произошедшее 21-го сентября 1995 года. Мне оказали честь в старом здании университета открыть памятную доску в честь Гиппеля. Ее автор — калининградский скульптор Дунеман. Доска была изготовлена на денежные средства, которые я получил в качестве премии.

Спустя два года на средства Международного общества Гамана была изготовлена памятная доска с барельефом Гамана. Теперь она вместе с памятными досками Симона Даха и Эрнста Теодора Амадея Гофмана украшает вестибюль старого здания университета. Кстати, от праздничного события по случаю открытия барельефа Гиппеля осталась уникальная фотография. В момент, когда я снимаю покрывало с прекрасно выполненного из бронзы портрета на мраморной доске, шестилетний внук Леонарда с удивлением смотрит вверх на портрет этого писателя — радостное и полное символического смысла мгновение, свидетельствующее о будущем калининградского кантоведения!

Йозеф Конен,
д-р философии,
профессор Люксембургского университета

Перевод с немецкого И. Д. Копцева